

Валерий Жог, Александр Коломейцев

СЕМЬЯ И ЛЮБОВЬ В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

Найти и различить
себя в другом –
божественная
задача любви

Любовь к другому согревает душу, любовь к Богу воодушевляет разум, пробуждение любви суть просветление души: не люди – в жертву идеям, а идеи – в радость людям. Найти и различить себя в другом – божественная задача любви. «Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение, – раскрывает смысл любви Вл. Соловьев. – Отсутствие самоотрицания, или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа, это есть только бесплодное, неудовлетворенное стремление или усилие к самоутверждению, вследствие чего эгоизм и есть источник всех страданий; действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании, так что оба эти определения суть необходимо противоположные себя самих. Итак, когда мы говорим, что абсолютное первоначало по самому определению своему есть единство себя и своего отрицания, то мы повторяем, только в более отвлеченной форме, слова великого апостола: Бог есть любовь» [1].

Три вида любви

Конкретность любви Вл.Соловьев определяет как «влечение одушевленного существа к другому для соединения с ним и взаимного восполнение жизни» [2]. Из обоюдности отношений он выводит три вида любви. Во-первых, любовь, которая больше дает, нежели получает, или нисходящая любовь. Во-вторых, любовь, которая больше получает, нежели дает, или восходящая любовь. В-третьих, когда то и другое уравновешено. В первом случае – это родительская любовь, которая основана на жалости и сострадании и включает в себя заботу сильных о слабых и старших о младших. Перерастая родственные отношения, она создает отечество и реализуется в патриотизме как любви к нему. Во втором случае – это любовь детей к родителям, которая покоится на чувстве благодарности и благоговении и порождает за пределами семьи представления о духовных ценностях. Любить и защищать. Чтобы быть патриотом и защищать отечество – сначала надо любить Родину. Любовь к Родине. Отечество защищает нас – Родину защищаем Мы. В разных лицах. Третий вид любви – любовь супружеская как любовь родителей друг к другу. Роди-

тели и дети – любовь здесь – синтез слабости и силы: у детей – как поиск защиты и признак слабости, у родителей – как принцип защиты и признак силы. Семья. Не потому неравны – что не равны, а потому не равны – что неравны. «Ребенок непосредственно признает превосходство родителей над собою, свою зависимость от них, он чувствует к ним благоговение, и отсюда вытекает практическая обязанность послушания» [3]. Нравственное отношение детей к родителям, таким образом, не только не определяется равенством, но имеет даже прямо обратное значение – оно основывается на признании того, в чем эти существа неравны между собою, а именно: в данном отношении господствует чувство преклонения перед высшим и долг послушания ему. «Не в виде случайных фетишей и рукодельных идолов, а также и не в виде величественных или грозных явлений природы, а в живом образе родителей впервые воплощается для младенствующего человека идея Божества» [4].

Воплощение
Проведения
в матери и отце

Религиозное и нравственное, по мысли В.С. Соловьева, совпадают в своем воспитательном становлении и развитии в душе ребенка. По своей первоначальной идее божество здесь имеет преобладающий характер Провидения. Сперва Провидение воплощается в матери. Объясняется это тем, что различные народы, как и отдельный человек, переживают на ранних ступенях – эпоху матриархальную, для которой значение матери и культ материнства являются преобладающими. «Но с установлением патриархального родового быта роль Провидения сохраняется для матери лишь во время материальной зависимости детей от нее как от своей кормилицы и первой воспитательницы. Тут для ребенка мать есть единственное высшее существо; но, достигая сознательного возраста, он видит, что сама мать находится в зависимости от другого высшего существа – его отца, кормителя и защитника всей семьи; он есть настоящее провидение, и на него естественно переносится религиозное почитание» [5]. Маму – любим, маме – верим, но все надежды – на отца.

Школа жизни –
жизнь как
главный ученый

Дальнейшее образование самости суть – в уроках жизни: жизнь покажет «плюс» жизнь научит. Школа жизни. Обучение тому, что есть. Сама жизнь как главный ученый. Тогда наука – это то, чему можно научить, все остальное – творчество. Право на творчество индивидуальной жизни – в соответствии с истиной и верой – и есть, по В.С. Соловьеву, дар Божий. Инженерия жизни. Человек, вооруженный правом, верит в свою правоту. По справедливости. По совести. Наше дело – правое, мы – победим. Вера в себя как «частицу мы» дает чело-

веку право – на личный провиденциализм и индивидуальный промысел. Сам себе – капиталист и рабочий. Под девизом: кто не учится работать руками – тот не научится думать головой. Право на обладание личной верой – протестантизм, дополняется в рационализме – правом на самостоятельность мышления и постижения истины, а в мировидении Вл. Соловьева человек достоин еще и права на промысливание – усматривание и продумывание – будущего, а также права на свое провидение его осуществимости – в угадывании ситуаций и опережении событий – через посредство предвосхищения и предупреждения хода жизни и ее испытаний как роковой судьбы: но – не из истины того, что будет как необходимость, а – из идеи, каким это должно быть – то есть – человек достоин права на собственный жизненный промысел как добычу жизни – по своему разумению и по законам совести, что есть – божий план и замысел божий. Обеспечение и обустройство жизни состоит не в объективном предсказании и предвидении ее будущего – что есть лишь условие, а в ее субъективном попечительстве – желании и стремлении сделать жизнь лучше – что и есть ее заповедный смысл.

Высшая форма
собственности –
собственная жизнь

Высшая форма собственности – это собственная жизнь. Каждому – свое, а мне – мое. Моя жизнь: кому – «свой-в-доску», а кому – «мой-до-дыр». Производство жизни в ее совершенстве и полноте – главная задача человеческого существа – как домашний урок Бога. От знания того – что есть, к вере в то – что должно быть: от истины бытия и природы – к истине воплощения и жизни. «Религиозная нравственность, как и нравственность вообще, – пишет Вл. Соловьев, – не есть подтверждение всего бывающего, а предписание одного, должного. Независимо от каких бы то ни было положительных верований и какого бы то ни было неверия, всякий человек, как разумное существо, должен признавать, что жизнь мира вообще и его собственная в частности имеет смысл, что, следовательно, все зависит от высшего разумного начала, силою которого этот смысл держится и осуществляется, а признавая это, он должен себя ставить в сыновнее положение относительно высшего начала жизни, то есть благодарно предаваться его провидению и подчинять все свои действия «воле отца», говорящей через разум и совесть» [6].

Дети и родители:
благоговение
и жалость

Если любовь детей к родителям являет себя в благоговении, то форма любви родителей к детям определяется В.С. Соловьевым как жалость. Здесь «можно заметить, – пишет он, – что и родительская (особенно матери-

нская) любовь, илу жалость, представляющая первое коренное проявление альтруистических отношений, предполагает тоже неравенство, только в обратную сторону» [7]. Инстинктивная любовь матери к своим детям обусловлена фактом размножения и сменой поколений как законом, господствующим в жизни животной, но не должествующим иметь такого значения в жизни человеческой. У животных последующее поколение прямо и быстро упраздняет своих предшественников и обличает в бессмысленности их существование, чтобы быть сейчас в свою очередь обличенным в такой же бессмысленности существования со стороны своих собственных порождений. Материнская любовь в человечестве, достигающая иногда до высокой степени самопожертвования, какую мы не находим в любви животной, есть остаток, несомненно пока необходимый, этого порядка вещей. «Во всяком случае несомненно, что в материнской любви не может быть полной взаимности и жизненного общения уже потому, что любящая и любимые принадлежат к разным поколениям, что для последних жизнь – в будущем с новыми, самостоятельными интересами и задачами, среди которых; представители прошедшего являются лишь как бледные тени. Достаточно того, что родители не могут быть для детей целью жизни в том смысле, в каком дети бывают для родителей. Мать, полагающая всю свою душу в детей, жертвует, конечно, своим эгоизмом, но она вместе с тем теряет и свою индивидуальность, а в них материнская любовь если и поддерживает индивидуальность, то сохраняет и даже усиливает эгоизм» [8].

Однородность и равенство во взаимодействии между любящим и любимым, а также всестороннее восполнение в их единстве различающих их свойств – суть два основных условия, без которых невозможно решительное упразднение самости в полном жизненном общении с другим. Лишь сама любовь родителей друг к другу может отвечать этим требованиям – и по силе чувств, и по конкретности предмета – а все другие роды симпатических чувств, хотя и важные для жизни человечества, не могут притязать на замену любви супружеской, которая есть любовь парная – половая. Полнота жизненной любви в семье имеет своим источником и основанием любовь супружескую – физическую и духовную – что организует семью как субъект гражданского и нравственного значения. Благоговение и жалость в соединении с чувством стыда создают эмоциональную основу этого третьего вида любви. От *sexus* – к *genus*: смысл любви – в явлении нового человека. «Это следует пони-

Смысл любви –
в явлении
нового человека

Рождая себя –
рождаем других

мать и в переносном смысле – как рождение нового духовного облика у человека, так и в прямом – как продолжение человеческого рода» [9].

Рождая себя – рождаем других. Ложь и зло эгоизма состоят в исключительном признании безусловного значения за собою и в отрицании его у других: я – всё = все – ничто. Но рассудок показывает нам, что это неосновательно и несправедливо, а любовь прямо фактически упраздняет такое несправедливое отношение, заставляя нас не в отвлеченном сознании, а во внутреннем чувстве и жизненной воле признавать для себя безусловное значение другого. «Познавая в любви истину другого не отвлеченно, а существенно, перенося на деле центр своей жизни за пределы своей эмпирической особи, мы тем самым проявляем и осуществляем свою собственную; истину, свое безусловное значение, которое именно и состоит в способности переходить за границы своего фактического феноменального бытия, в способности жить не только в себе, но и в другом» [10]. Я – последняя буква в алфавите. Эгоизм есть сила, непрерывно действующая во всех частностях и подробностях нашего существования, сила – не только реальная, но основная, укоренившаяся в самом глубоком центре нашего бытия и оттуда проникающая и обнимающая всю нашу действительность. Чтобы настоящим образом подорвать эгоизм, ему необходимо противопоставить такую же конкретную и определенную, все наше существо пронизывающую силу – все в нас захватывающую любовь. Похищение «я» и восхищение «мы»: любовь как идеальный метод абдукции¹. Похитить сердце, пленить душу, увести за собой. «Не-в-себе» и «сам-не-свой» – значит влюбленный. Обращение интровертного состояния в экстравертное суть квантовый скачок векторного интенционала Я – в намерениях ~ стремлениях ~ желаниях – от «для-себя», «к-себе», «в-себе» к «для-другого», «к-другому», «в-другом», от auto и ego к inter и unio.

Семья – союз любящих, скрепленный любовью, надеждой и верой

Семья есть союз между любящими, скрепленный не только любовью, но и надеждой и верой, что являет нам ее как единство и целостность рожденного субъекта. Пол – для жизни – это половина, цель жизни – единое целое. Любовь для жизни суть инструмент ее влекущего долженствования и сердечного переживания в поисках «я» и узнавании «того», что есть другое как «наша» имеющая смысл половина. «То другое, которое должно ос-

¹ Абдукция (лат.) – в логике – силлогизм, у которого большая посылка достоверна, а меньшая – только вероятна (Аристотель); в физиологии – отведение какого-нибудь члена в сторону, например, мизинца от остальных пальцев.

вободить из оков эгоизма нашу индивидуальность, – поясняет свою идеологию сизигии¹ В.С. Соловьев, – должно иметь соотношение со всею этою индивидуальностью, должно быть таким же реальным и конкретным, вполне объективированным субъектом, как и мы сами, и вместе с тем должно во всем отличаться от нас, чтобы быть действительно другим, т.е., имея все то существенное содержание, которое и мы имеем, иметь его другим способом или образом, в другой форме, так, чтобы всякое проявление нашего существа, всякий жизненный акт встречали в этом другом соответствующее, но неодинаковое проявление, так, чтобы отношение одного к другому было полным и постоянным обменом, полным и постоянным утверждением себя в другом, совершенным взаимодействием и общением. Тогда только эгоизм будет подорван и упразднен не в принципе только, а во всей своей конкретной действительности. Только при этом, так сказать химическом, соединении двух существ, однородных и равнозначительных, но всесторонне различных по форме, возможно (как в порядке природном, так и в порядке духовном) создание нового человека, действительное осуществление истинной человеческой индивидуальности. Такое соединение, или по крайней мере ближайшую возможность к нему, мы находим в половой любви, почему и придаем ей исключительное значение как необходимому и незаменимому основанию всего дальнейшего совершенствования, как неизбежному и постоянному условию, при котором только человек может действительно быть в истине» [11].

Любовь –
условие жизни

Если демократия – это власть народа, то философия – это мудрость любви. В этом суть «софийного идеализма» Вл.Соловьева. Воля самой жизни, – наше осознание истины: воля к жизни есть любовь к жизни, а сама жизнь «есть» только при наличии любви как «своего условия». Разумная интенция «это» как направленность человеческого сознания в естественном мире предполагает «вместе» как «здесь» и «теперь». Фиксация внимания на «этом» – в данный миг и заданной точке. В этом смысл физического взаимодействия. Дифференциальность. Различение и разность. В тождестве времени и места. Интеграция как отождествление и сумма – в разности времен и различии мест – возможна только для разумного существа. Мир воображения и ду-

¹ Сизигия – (от греч. syzygia) – соединение, парное сочетание, пара; в астрономии – общее название двух фаз Луны (новолуния и полнолуния, когда Солнце, Земля и Луна располагаются примерно на одной прямой линии).

ховная встреча. Волнение и переживание как факт психического взаимодействия. «Даже и самое разумное сознание, прежде чем стать фактом в человеке, было только смутным и безуспешным стремлением в мире животных. Сколько географических и биологических эпох прошло в неудачных попытках создать мозг, способный стать органом для воплощения разумной мысли. Любовь для человека есть пока то же, чем был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но еще не на самом деле» [12].

Любовь без разума
слепа, доброта
без разума пуста

Любовь без разума слепа, доброта без разума пуста. Пустые пожелания. Любовь ведь зла – полюбишь и козла. В слепом влечении родового инстинкта. Быть разумным и обладать истиной для Вл. Соловьева – одно и то же. Истина любви как идеальная собственность, определенная в идеалах как прототипах или архетипах духовной организации личности, являет себя для нас – в человеческом достоинстве. Похотливость эгоизма есть порок и зло, поскольку, реализуя себя в ненасытных потребностях и неудержимых желаниях, она лишает человека достоинства – самообладания и выдержки – как умения держать себя в руках и владеть собой. Бесноватость. Когда хотения доминируют в душе человека, они организуют его поведение как раба желаний и слуги беса. Безудержность и безрассудство. «Для человека как животного совершенно естественно неограниченное удовлетворение своей половой потребности посредством известного физиологического действия, – пишет о наркомании секса Вл. Соловьев, – но человек, как существо нравственное, находит это действие противным своей высшей природе и стыдится его. Как животному общественному человеку естественно ограничивать физиологическую функцию, относящуюся к другим лицам, требованиями социально-нравственного закона. Этот закон извне ограничивает и закрывает животное отправление, делает его средством для социальной цели – образования семейного союза» [13]. Семья, как любовный синтез, не есть механическое соединение лиц противоположного пола, а есть нарожденная единица жизни – парный субъект с собственной волей, своими задачами и целями.

Стыд и бесстыдство

Стыд демонстрирует нам обратную сторону любви – как отвращение к себе – при нарушении границ дозволенного и отклонении от курса должного на жизненном пути. Преступить черту. Бесстыдство и беспутство суть социально-естественные пороки эгоизма. Преступление. Такова его истина. Такова его норма. Скромность человека суть социально-защитный механизм от соблазнов хоте-

ния и искушений желания в его жизненном стремлении к счастью – без учета абдуктивных свойств любви. Хотеть тоже надо уметь. Абстрактное мышление – мышление отвлеченное. Абдуктивное поведение – поведение увлеченное. Влечение. Libido. Спальня инстинктов и идей. Обворожительная внешность, чарующий голос, призывный взгляд – магия любви как притягательная и влекущая сила – либо пробуждающая экстаз преклонения «пред» идеалами истины-добра-совершенства, либо – побуждающая транс склонения «к» интересам корысти-выгоды-наживы. Всякий бывает – энтузиазм. Любовь к идее. Красивая жизнь – ведь – субъективное понятие. На вкус и цвет – товарищей нет. Самооценка эгоизма исходит из субъективной установки: положительно нравственным является то, что служит интересам волевого субъекта. Для себя. Я. Семья. Нация. Государство. Партия. Класс. Делу пролетариата. Здесь нет судьи – совести, как и нет ее весов справедливости – вины и долга. Нет истины – которая в вине. Но нет вины – нет и стыда, а когда нет долга – то нет и ответственности. Преступление и наказание. Не пойман – не вор, не застукан – не виноват. Совесть расставляет все на свои места: «не так живи, как хочется, а так, как бог велит» [14]. Вина и стыд отводят нас посредством переживаний совести – от действий зловередства и злорадства как форм духовной организации эгоизма – «хорошо – когда другим – плохо, плохо – когда другим – хорошо»; а ответственность и долг инъецированы нам самой совестью – в сфере бытового сознания – как регуляторы и ограничители энергии свободы через осознание норм желаний и мер необходимости – «хорошо – когда другим – хорошо, плохо – когда другим – плохо».

Семья невозможна
без любви, любовь
не полноценна
без семьи

Разумная любовь есть свободами выбор в глобальном деле человеческой любви – производстве добра и творчестве красоты. Восполнение живого содержания человеческой души – живым божественным смыслом. Хороша ли моя совесть или плоха – на все божья воля, все есть дар божий – свобода совести. Духовное сочетание, организующее полноту и цельность каждой из двух индивидуальностей в семейной любви, когда супруги во взаимовосполняющем и взаимодополняющем единстве составляют целое – «внутри» и «снаружи», – полагается главным в учении В.С. Соловьева о любви и носит наименование «сизигии». Красавиц много, а любимая одна. Любовное сочетание должно иметь целевое предназначение и предначертанный смысл. «Задача любви состоит в том, – определяет Вл. Соловьев, – чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется

такое сочетание двух данных ограниченных существ, которое создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. – Эта задача не только не заключает в себе никакого внутреннего противоречия и никакого несоответствия со всемирным смыслом, но она прямо дана нашей духовной природой, особенность которой состоит именно в том, что человек может, оставаясь самим собой, в своей собственной форме вместить абсолютное содержание, стать абсолютной личностью. Но чтобы наполниться абсолютным содержанием (которое на религиозном языке называется вечной жизнью или царствием Божиим), сама человеческая форма должна быть восстановлена в своей целостности (интегрирована)» [15]. «Следует только хорошо помнить, – добавляет он, – что если действительность разумного сознания явилась в человеке, но не чрез человека, то реализация любви, как высшая ступень к собственной жизни самого человечества, должна произойти не только в нем, но и чрез него» [16]. Семья невозможна без любви, любовь не полноценна без семьи.

-
1. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х тт. – Т. 2. – М., 1988. – С. 234.
 2. Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 10-ти тт. – Т. 10. – С. 236.
 3. Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х тт. – Т. 1. – М., 1988. – С. 170.
 4. Там же. – С. 174.
 5. Там же. – С. 175.
 6. Там же. – С.180–181.
 7. Там же. – С. 171.
 8. Там же. – Т. 2. – С. 509–510.
 9. Гулыга А.В. Философия любви // Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1988. – С. 41.
 10. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. – Т.2. – М., 1988. – С. 507.
 11. Там же. – С. 508.
 12. Там же. – С. 512–513.
 13. Там же. – С. 526.
 14. Народные пословицы и поговорки. – М., 1961. – С. 5.
 15. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1988. – С. 513.
 16. Там же.
-